

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХХІ.

1902.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	71
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія награды	76
IV. Высочайшіе приказы	82
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	99
VI. Положенія о стипендіяхъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	106
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	114
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	119
IX. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	126
Открытіе училищъ	127
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать третье присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	128

Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XIV (продолженіе)	233
Н. Н. Дурново. Мелкія замѣтки по русскому языку	257
Н. Н. Оглоблинъ. Къ исторіи полярной экспедиціи Вахова и Шалаурова въ 1757—1760	269
О. П. Щербатской. Теорія поэзіи въ Индіи	299
О. П. Кенненъ. О прежнемъ и нынѣшнемъ распространеніи бобра въ предѣлахъ Россіи	330

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. А. Ивановскій. Л. Дыма. Государственное право Швеціи. Томъ первый. Часть историческая. 1901	369
А. П. Соболевскій. Slovanské starožitnosti. Sepsal Dr. Lubor Niederle, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Svazek I. V Praze. 1902	388
Г. З. Кунцевичъ. Сказаніе о зачатіи царства Казанскаго. Принадлежащее О. Т. Васильеву. Изданіе О. Т. Васильева. Казань. 1902	393
Н. А. Тихомировъ. Замѣтка объ оглавленіяхъ, помѣщенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ	397

См. 3-ю стр. обложки.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ БАХОВА И ШАЛАУРОВА ВЪ 1757—60 ГГ.

Въ нашей и европейской историко-географической литературѣ Баховъ и Шалауровъ пользуются заслуженною извѣстностью ¹⁾, какъ предпріимчивые мореходы XVIII вѣка, совершившіе одно изъ раннихъ и не бѣдныхъ результатами плаваній по Сѣверному Ледовитому океану. Эти русскіе предшественники Норденшильда стремились съ своими слабыми силами и знаніями рѣшить старую крупную задачу—пройти Сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку, т. е. открыть путь, давнымъ давно уже открытый Семеномъ Дежневымъ—еще въ 1648 г., но съ тѣхъ поръ также давно и позабытый... Исполнивши большую половину намѣченной задачи—пройдя океаномъ отъ устья р. Лены до Шелагскаго мыса, оба морехода погибли (Баховъ раньше) отъ невзгодъ полярной жизни, не успѣвши довести до конца свой грандіозный планъ. При ихъ несомнѣнной мореходной опытности ²⁾ они счумѣли бы

---

¹⁾ См. напр. *Ф. П. Врангеля* „Историч. обзорѣніе путешествій по Ледовитому ок., между Карскимъ моремъ и Беринговымъ прол., до 1820 г.“ (Спб., 1841), 69—76; *В. Берга* „Хронолог. исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны“, I, 144—145 (Спб., 1821) и др. Ссылки на сочиненія *Локса* и *Сауера* см. у Врангеля (с. 70), который преимущественно ими пользовался для своего разсказа о плаваніи Бахова и Шалаурова.

²⁾ *Врангель* пользовался для своего разсказа „картою Шалаурова“, съ объяснительными „приписками“, которую онъ нашелъ въ архивѣ гидрографическаго департамента морскаго министерства (с. 70).—Полагаю, однако, на основаніи ниже приведенныхъ архивныхъ данныхъ, что эта карта болѣе составлена Баховымъ, чѣмъ Шалауровымъ, присвоившимъ послѣ смерти Бахова результаты его трудовъ... *Берга* прямо говоритъ, что самъ Шалауровъ признавалъ Бахова болѣе опытнымъ въ „наукѣ кораблевожденія“ (с. 144).

вторично рѣшить задачу, уже рѣшенную въ XVII в. Дежневымъ, если бы не случайная гибель на половинѣ пути.

Несомнѣнно, обстоятельная исторія этой смѣлой экспедиціи была бы очень любопытна. Къ сожалѣнію, всѣ имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о ней не только кратки и отрывочны, но и полны многихъ ошибокъ (какъ увидимъ ниже). Исправить послѣднія и дополнить извѣстное въ литературѣ многими новыми и существенными данными возможно по имѣющимся у меня извлеченіямъ изъ одного сенатскаго дѣла, хранящагося въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи.

Это дѣло, указанное мнѣ покойнымъ архивистомъ *А. Н. Зерцаловымъ* и найденное имъ среди громадной кучи неразобранныхъ и не-описанныхъ дѣлъ Сената за XVIII в., не имѣло тогда (въ 1882 г.) никакой нумераціи и врядъ-ли съ тѣхъ поръ внесено въ какой-либо инвентарь архива. Вообще, я лишенъ возможности точнѣе опредѣлить теперешнее мѣстонахожденіе этой любопытной рукописи.

Она представляетъ вязку, состоящую изъ 5 отдѣльныхъ тетрадей, содержащихъ копіи разнообразныхъ сенатскихъ дѣлъ, относящихся къ Сибири. На заглавномъ листѣ вязки стоитъ такое совершенно невѣрное опредѣленіе содержанія: „дѣло объ учрежденіи въ Камчаткѣ соляной продажи, о посылкѣ для варенія оной цыренныхъ котловъ и о хлѣбопашествѣ, 1763 г., заключающее въ себѣ 5 томовъ“.

Но о соляной продажѣ и вообще о соли ровно ничего нѣтъ. О хлѣбопашествѣ ссть документы, но не въ Камчаткѣ, а въ Норчинскомъ округѣ. Остальное же содержаніе совершенно не соотвѣтствуетъ заглавію. Почти вся первая тетрадь (лл. 1—300, 332—344) прямо и косвенно относится къ полярной экспедиціи Бахова и Шалаурова. Остальныя же дѣла какъ 1-й тетради (лл. 301—331, 345—444), такъ и другихъ 4 тетрадей, очень разнообразны, хотя ихъ можно подвести подъ одну рубрику—дѣла о торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ сибирскихъ купцовъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка, напримѣръ о бобровой торговлѣ съ китайцами (л. 301), „скаски“ купцовъ о плаваніяхъ на Алеутскіе, Курильскіе, Командорскіе и др. острова, для добычи морскихъ звѣрей и пр. (лл. 304—331), объ открытіи звѣриными промышленниками новыхъ земель (л. 345 об.) и т. п.

Документы, относящіеся непосредственно къ экспедиціи Бахова и Шалаурова, представляютъ—1) сенатское дѣло о разрѣшеніи имъ предпринять задуманное плаваніе по Сѣверному Ледовитому океану, 1754—55 гг. (лл. 1—21); 2) дѣло сибирской губернской канцеляріи

по наблюденію за приготовленіями Бахова и Шалаурова къ экспедиціи, 1755—56 гг. (лл. 31—39) и за ходомъ экспедиціи, 1757—59 гг. (лл. 156 об., 182 об. и др.); 3) „доношеніе“ Шалаурова, 1761 г., о первыхъ годахъ плаванія—1757—1760 гг. (лл. 332—344).

Послѣдній документъ — самый существенный въ дѣлѣ. Помимо того, что „доношеніе“ представляетъ рассказъ участника плаванія, оно даетъ отчетъ о первыхъ годахъ плаванія—1757—1760 гг., о которыхъ литература ничего не знаетъ, рассказывая только о послѣднихъ годахъ экспедиціи—1761—1764 гг. Правда, *Врангелъ* (с. 70), *Берхъ* (с. 144) и другіе началомъ плаванія считаютъ 1760 г., но свѣдѣнія ихъ о плаваніи этого года относятся въ дѣйствительности къ предыдущимъ годамъ.

Всѣ документы о ходѣ разрѣшенія экспедиціи и о приготовленіяхъ къ ней также даютъ совершенно новыя свѣдѣнія, кромѣ извѣстнаго уже разрѣшительнаго указа Сената, отъ 13 апрѣля 1755 г.

Кромѣ того, среди этихъ документовъ находимъ очень цѣнныя новыя данныя о первой морской экспедиціи Бахова, совершенной имъ въ 1748—1749 гг. съ р. *Анадыра* до *Камчатки*, о чемъ самъ Баховъ рассказываетъ въ своей „челобитной“ 1754 г. о разрѣшеніи полярной экспедиціи (лл. 1—7). Въ „отношеніи“ сибирскаго губернатора В. А. Мятлева вице-губернатору Иркутской провинціи Ивану Вульффу, 1755 г., встрѣчаемъ нѣкоторые любопытныя дополненія къ существующимъ въ литературѣ ¹⁾ даннымъ объ извѣстныхъ полярныхъ плаваніяхъ лейтенанта Дмитрія *Лантева*, въ 1739—41 гг. (лл. 9 об.—11), взятыхъ изъ его „доношенія“. Любопытно, что самъ Лантевъ, прошедшій немного дальше устья р. Колымы (т. е. много менѣе Шалаурова, доходившаго до Шелагскаго мыса), полагалъ въ своемъ „доношеніи“, что „отъ вѣку ходу не бывало“ Сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку (л. 11).

Всѣ новыя данныя этихъ документовъ цѣнны еще и потому, что исправляютъ многія ошибки, существующія въ литературѣ объ экспедиціи Бахова и Шалаурова. О нѣкоторыхъ ошибкахъ необходимо оговориться напередъ.

Врангелъ называетъ Бахова Иваномъ, а Берхъ Афанасіемъ. По архивныя документы подтверждаютъ именно Врангеля: вездѣ, начиная съ „всепоподаннѣйшей челобитной“ Бахова (лл. 1, 7), онъ именуется *Иваномъ* Гавриловымъ. Берхъ же, очевидно, смѣшалъ Бахова

¹⁾ *Врангелъ*, 60—66; *Берхъ*, 127—130.

по созвучію фамилій съ шкиперомъ полярной экспедиціи Биллингса 1787 г.—Афанасіемъ *Баковымъ* ¹⁾, не зная, что мореходъ Баховъ умеръ въ 1762 г.

Шалаурова Врангель называетъ якутскимъ купцомъ (с. 69), хотя ему извѣстенъ сенатскій указъ 1755 г. (с. 70), гдѣ Баховъ и Шалауровъ названы устюжскими купцами. Берхъ (с. 144) также называетъ Шалаурова якутскимъ купцомъ. Но архивные документы и самъ Баховъ называетъ себя и своего товарища Никиту Шалаурова—*„устюжанами“*. Извѣстно, что Великій Устюгъ далъ Сибири массу мореходовъ и „землепроходовъ“, начиная съ Семена Дежнева.

Гораздо существеннѣе другая поправка, вносимая новыми архивными данными. Врангель, Берхъ и другіе изслѣдователи считаютъ Шалаурова главою экспедиціи, а Бахова—только его „помощникомъ“, „товарищемъ“. Повидимому, они основывались единственно на томъ, что въ экспедиціи, длившейся 8 лѣтъ, Баховъ участвовалъ первые 5 лѣтъ (и умеръ), а Шалауровъ всѣ 8 лѣтъ. Разумѣется, относительно послѣднихъ 3 годовъ экспедиціи слѣдуетъ признать, что главою ея былъ тогда Шалауровъ, но, какъ свидѣлствуютъ новыя архивныя данныя—во время подготовки экспедиціи (1754—1756 гг.) и въ первую половину ея (1757—1760 гг.) главенствовалъ именно Баховъ, а не Шалауровъ. Несомнѣнно, такимъ же начальникомъ ея Баховъ оставался и въ 1761 г., о которомъ уже нѣтъ архивныхъ данныхъ, а только печатныя (*Врангель*, 70—71).

Уже первая морская экспедиція, 1748—1749 гг., возникла по инициативѣ Бахова и шла подъ его руководствомъ, а Шалауровъ былъ только однимъ изъ 2 компаньоновъ перваго (лл. 1—2). Точно также Баховъ былъ инициаторомъ и полярной экспедиціи: „всеподданнѣйшая челобитная“ 1754 г. (лл. 1—7) подана имъ только отъ своего имени и только имъ однимъ подписана (л. 7). О Шалауровѣ же онъ упоминаетъ мимоходомъ, какъ о своемъ компаньонѣ именно и только съ матеріальной стороны. Изъ „доношенія“ Шалаурова (л. 332 об. и слѣд.) видно, что онъ былъ богаче Бахова: въ построенномъ имъ суднѣ за Баховымъ „числится третья часть“, да и въ той части (на которую, очевидно, пошли чужія деньги, занятые Баховымъ) Шалауровъ былъ „по немъ порукою сверхъ своей положенной части“.

¹⁾ *Берхъ*, 179, 180; *Сарычева* „Путеш. по с.-в. Сибири, Ледовитому морю и Вост. океану“, I, 11 и др.

Итакъ, Шалауровъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ судна, а Баховъ его командиромъ и начальникомъ экспедиціи. Именно на этой почвѣ возникли крупныя раздоры между командиромъ и хозяиномъ судна, сильно мѣшавшіе ходу экспедиціи. Объ нихъ обстоятельно рассказываетъ, какъ увидимъ ниже, „доношеніе“ Шалаурова 1761 г. Теперь достаточно отмѣтить, что послѣдняго особенно возмущало то, что Баховъ не отдавалъ ему сенатскаго указа и другихъ документовъ, разрѣшавшихъ плаваніе. Но Баховъ былъ правъ, дѣйствуя такъ: во всѣхъ сенатскихъ, губернаторскихъ и другихъ официальныхъ документахъ имя Бахова стояло первымъ, а Шалауровъ былъ только „въ товарищахъ“.

Шалауровъ дошелъ до того, что поднималъ команду судна противъ командира—Бахова. Къ своему „доношенію“ онъ приложилъ „запись“ вѣрныхъ ему „работныхъ людей“ (л. 339—340) о томъ, что они согласны идти впередъ подъ командою Шалаурова, а не Бахова. Въ этой „записи“, составленной несомнѣнно самимъ Шалауровымъ, послѣдній такъ проговаривается о дѣйствительной роли Бахова въ экспедиціи: устами работныхъ людей онъ говоритъ, что если будутъ присланы на судно „другіе командиры, а не Баховъ, въ томъ не прешаствуемъ“... (л. 340).

Жаль, что не сохранилось доношеній Бахова: они вполне раскрыли бы интриги Шалаурова и рѣшительнѣе опредѣлили бы первенствующую роль Бахова въ экспедиціи. Можетъ быть, эти доношенія когда-нибудь найдутся (въ сибирскихъ архивахъ, или въ томъ же моск. архивѣ м-ва юстиціи) и подтвердятъ мой выводъ изъ имѣющихся архивныхъ данныхъ, что душою и руководителемъ экспедиціи былъ Баховъ до самой его смерти въ началѣ 1762 г., во время зимовки въ устьяхъ р. Колымы ¹⁾).

„Доношеніе“ Шалаурова и „запись“ работныхъ людей относятся къ январю 1761 г. (л. 338). Не смотря на заявленія ихъ, что они не могутъ продолжать плаваніе съ Баховымъ и ждутъ назначенія „другихъ командировъ“, Баховъ остался на суднѣ и, очевидно, въ той же роли командира, руководя экспедиціей и въ плаваніе лѣтомъ 1761 г.

Такимъ образомъ, изъ всего морскаго пути экспедиціи Баховъ прошелъ $\frac{4}{5}$ пути—отъ Лены до Колымы, а Шалаурову принадлежить руководство экспедиціей всего на $\frac{1}{5}$ пути—отъ Колымы до

¹⁾ Врангель, 71.

Шелагскаго мыса. Гдѣ-то вблизи послѣдняго онъ и погибъ въ 1764 г. вмѣстѣ съ судномъ и всей командой ¹⁾. Невольно является соображеніе, что будь живъ болѣе опытный мореходъ Баховъ и, находясь онъ во главѣ экспедиціи, послѣдняя не погибла бы и была бы доведена до конца, какъ успѣшно выполнилъ Баховъ первую свою задачу—прошелъ съ Анадыра въ Камчатку, въ 1748—49 годахъ. Въ этой экспедиціи участвовалъ и Шалауровъ, но несомнѣнно только какъ компаньонъ и помощникъ Бахова (лл. 1—7).

Остальные документы архивнаго дѣла имѣютъ косвенное отношеніе къ полярной экспедиціи Бахова. Во время долгой подготовки послѣдней (въ 1754—56 гг.) слухи о ней распространились въ восточной Сибири и явились новые охотники взяться за исполненіе задачи Бахова. Въ 1757 г. иркутскій купецъ Иванъ *Бечевинъ* просилъ разрѣшенія отпустить его въ плаваніе по плану Бахова, но въ обратномъ направленіи—отъ Камчатки до Лены. Разрѣшеніе было дано и Бечевинъ въ теченіе 1757—59 гг. дѣятельно готовился къ своей экспедиціи. Объ этихъ-то приготовленіяхъ и говорятъ остальные документы архивнаго дѣла (лл. 22—30, 65—134, 150 об. и слѣд.), которые ниже излагаю въ дополнительной главѣ, выбрасывая только данные Бечевину въ руководство „экстракты“ изъ извѣстныхъ въ литературѣ „журналовъ“ путешествій по Восточному океану—капитана Шпанберха и лейтенанта Валтона къ островамъ Японіи (лл. 135—140), капитана Чирикова къ берегамъ Америки (лл. 141—148) и второй экспедиціи капитанъ-командора Беринга (лл. 148 об.—150).

Экспедиція Бечевина въ Ледовитый океанъ не состоялась, и онъ ограничился плаваніями въ Восточномъ океанѣ — въ 1761 г. былъ на Алеутскихъ островахъ ²⁾ и проч. Но любопытны подробности его проекта и свѣдѣнія о подготовкѣ Бечевина къ полярной экспедиціи, сообщаемыя архивнымъ дѣломъ.

Изложеніе архивныхъ данныхъ подраздѣляю на 4 главы: I. Экспедиція Бахова съ р. Анадыра до Камчатки, 1748—49 гг.—II. Приготовленія Бахова къ полярной экспедиціи, 1754—56 гг. ³⁾—III. Полярная экспедиція Бахова и Шалаурова съ р. Лены до р. Колымы,

¹⁾ Ibid., 75.

²⁾ О. *Вениаминова*, „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“, I, 116, 129, 192 и др.

³⁾ Въ этой главѣ см. извлеченія изъ отчета Д. Лаптева о его полярномъ плаваніи въ 1789—41 гг.

1757—1760 гг.—IV. Проектъ полярной экспедиціи Бечевина, 1757—59 гг.

I.

**Экспедиція Бахова съ Анадыря до Камчатки,
1748—49 г. ¹⁾.**

Любопытныя подробности о ходѣ этой первой морской (судя по имѣющимся даннымъ) экспедиціи Ивана Бахова рассказываетъ онъ самъ въ своей „всеподданнѣйшей челобитной“ 1754 г. Въ 1746 г., находясь въ Анадырскомъ острогѣ, Баховъ замышлялъ о полярномъ плаваніи и смотрѣлъ на свою Камчатскую экспедицію какъ на частичное выполненіе будущаго плана. Послѣдній возникъ вслѣдствіе извѣстной Бахову неудачи правительственной экспедиціи лейтенанта Дмитрія *Лаптева*, въ 1736—41 гг. ²⁾), закончившейся около устьевъ р. Колымы. Баховъ говоритъ, что онъ возымѣлъ „рачительное желаніе о провѣдываніи изъ Анадыря рѣки морской коммуникаціи въ Камчатку“, такъ какъ „новаго пути... Лаптевымъ, съ немалымъ казеннымъ убыткомъ, не сыскано“...

Какъ извѣстно, Лаптевъ послѣ неудачной попытки достигнуть моремъ р. Анадыря, прошелъ туда сухимъ путемъ, въ 1741 г., а въ слѣдующемъ году дѣлалъ опись Анадыря ³⁾. Въ Анадырскомъ острогѣ Баховъ, вѣроятно, встрѣчался съ Лаптевымъ и слышалъ его рассказы о полярномъ плаваніи, которые и натолкнули Бахова на мысль предпринять самому такое же плаваніе. Если его не пугали неудачи такого опытнаго флотскаго офицера, какимъ былъ Лаптевъ, значить Баховъ былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ какъ въ знающемъ мореходѣ и смѣло взялся за повтореніе трудной задачи. Повидимому, причины неудачи Лаптева были ясны для Бахова, надѣявшагося избѣжать ихъ. Уже одна мысль его—совершить предварительно болѣе легкую часть общаго плана (пройти моремъ съ Анадыря на Камчатку) — говоритъ, что весь планъ Бахова уже на Анадырѣ былъ обдуманъ зрѣло и въ деталяхъ. Возможно, что мысль о Камчаткѣ внушена ему тѣмъ же Лаптевымъ, кажется замышляв-

¹⁾ Архивное дѣло, л. 1 и слѣд.

²⁾ *Врангель*, 58—66; I, 127—130.

³⁾ *Врангель*, 66—67.

шимъ о подобной экспедиціи, но скоро отозваннымъ въ Якутскъ, затѣмъ въ Петербургъ.

Для исполненія задуманнаго предпріятія Баховъ вступилъ „въ компанію“ съ сольвычегодскимъ купцомъ Иваномъ Жилкинымъ, устюжаниномъ Никитою Шалауровымъ и Якутскимъ посадскимъ челоѣкомъ Семеномъ Повиковымъ. Но послѣдній скоро былъ удаленъ изъ компаніи „за нѣкоторые его непорядочные противъ напихъ общекупныхъ кондичій поступки“.

Компанія Бахова, Жилкина и Шалаурова начала „собственнымъ коштомъ“ строить, на верховьяхъ р. Анадыра, изъ лиственнаго лѣса, „мореходное судно, шитое и простого манира“. Постройка шла, вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ и трудной доставки ихъ изъ Якутска, изумительно долго—2 года и 5 мѣсяцевъ. Никакими „казенными припасами и матеріалами“ компаньоны не пользовались.

Въ 1748 г. Баховъ получилъ изъ „полкового двора“ въ Анадырскъ „дозволительный“ указъ, разрѣшавшій ему задуманное плаваніе. Послѣднее началось 9 іюня того года. Изъ компаньоновъ съ Баховымъ отправился одинъ Шалауровъ, а Иванъ Жилкинъ остался въ Анадырскѣ, рассчитывая проѣхать въ Камчатку сухимъ путемъ.

Старшее мѣсто среди команды судна, набранной изъ Анадырскихъ казаковъ и гулящихъ людей, занималъ казакъ Тимофей *Переваловъ*. Въ глазахъ Бахова это былъ простой матросъ (хотя и старшій), вступившій на службу компаніи на ряду съ другими казаками, наравнѣ съ которыми одинаково подписалъ „партикулярный договоръ“ съ компаніей. Но самъ Переваловъ считалъ себя какимъ-то начальствомъ на суднѣ, чего не признавалъ за нимъ Баховъ и, потому, не ладилъ съ нимъ. Переваловъ, носившій громкій для его положенія титулъ „правлящаго подпрапорщическую должность“, основывалъ свои притязанія на томъ, что имѣлъ отъ Анадырскаго полковаго двора инструкцію—„къ примѣчанію съ моря Анадырскаго устья, и для путевыхъ осмотровъ и описи, и къ познанію мореплаванія“.

Разумѣется, эта инструкція не давала Перевалову права вмѣшиваться въ управленіе судномъ и не ставила его выше Бахова на суднѣ. Послѣдній замѣчаетъ, что Переваловъ совсѣмъ не занимался порученнымъ ему дѣломъ и оказался способнымъ только „для проносковъ къ своему обогащенію“...

Чтобы показать незаконность притязаній Перевалова на какое-то старшинство, Баховъ приводитъ „партикулярный договоръ“ съ нимъ, какой заключенъ былъ компаніей и съ остальными казаками, посту-

пившими на службу компаніи. Привожу этотъ любопытный договоръ, сообщаемый Баховымъ съ извлеченіи.

Переваловъ обязался „съ полученной добычи отъ промысла брать треть одного пая, а въ компанію отдавать $\frac{2}{3}$ пая, а до судна и до судового всякаго такелажу дѣла нѣтъ, и компаніи нашей быть ему, Перевалову съ товарищи, во всякомъ безспорномъ послушаніи, исправну всегда къ дѣлу и работѣ, по приказу нашему, безъ всякаго прекословія, и во всемъ служить и къ непристойнымъ компаніи случаямъ ни тайно, ни явно ни съ кѣмъ не соглашаться, и ничего не похищать, и не зернить (т. е. не играть въ зернь), подѣ опасеніемъ отнятія пая промыслу и такожь и *наказанія компанейскаго*, и никого подѣ свою склонность не приводить, а кто-де изъ нихъ казакъ непослушенъ явится, то по *суду компаніи* и по данному указу партіи изъ полкового двора по винамъ смотря наказывать. А когда же Богъ благоволитъ выдти на Камчатку, то по сему его, Перевалова, договору никакихъ дѣлъ на компанистовъ не начинать и въ судъ господамъ управителямъ не производить“ (л. 3).

Явные раздоры съ Переваловымъ начались позже, во время зимовки на Командорскихъ островахъ, а начало плаванія шло благополучно. По р. Анадыру судно прошло русскими владѣніями 500 верстъ, встрѣтивши въ 5 пунктахъ партіи Анадырскихъ жителей, выходящихъ въ іюнѣ для рыбной и „оленной“ ловли. Последнее русское становище называется „Баня“, гдѣ „для опасенія непріятеля“ находится часть Анадырской военной команды. Отъ „Бани“ плыли рѣкою до моря 400 верстъ, находясь „въ непріятельской *Чукотской* сторонѣ уже безъ всякаго къ помощи надѣянія, сами въ своемъ числѣ, съ 20 человекъ“.

Дойдя до Анадырскаго устья, Баховъ отстаивался тамъ, выжидая „способнаго вѣтра“. Во время этой стоянки на якорѣ, чукчи нѣсколько разъ „присматривали“ судно, появляясь по 1 и по 2 человека.

Ровно черезъ мѣсяцъ по выходѣ изъ Анадырскаго острога — 10 іюля Баховъ, „увидя благополучную погоду“, двинулся „черезъ глубокое и доброе Анадыря рѣки устье“ и вышелъ въ открытое море. Пройдя параллель мыса Өаддея, онъ приблизился къ берегу и вошелъ „въ доброе жѣ устье“ р. *Катырки* (или Хотырка, впадающая южнѣе мыса Өаддея), гдѣ простоялъ нѣсколько дней ради нѣкоторыхъ исправленийъ судна.

Выйдя снова въ открытое море, „много плавали“ и осенью до-

брались наконецъ до одного изъ *Командорскихъ* острововъ, именно того, подлѣ котораго разбилось судно „Камчатской экспедиціи“ (Беринга) — пакетъ-ботъ „Св. Петръ“. Здѣсь „насталъ штиль“, и судно Бахова должно было остановиться.

Предполагая, что здѣсь могутъ быть промышленники съ Камчатки и вообще для рекогносцировки неизвѣстнаго острова, Баховъ послалъ на берегъ слоботъ съ 2 людьми, которые вернулись черезъ двое сутокъ, не найдя промышленниковъ. Опасаясь „въ позднее то осеннее время жестокихъ штормовъ“, Баховъ рѣшился пристать къ острову, куда и подошелъ съ трудомъ 15 сентября, едва пробравшись „между немалыхъ каменистыхъ мелей“. Облегчивши судно отъ тяжестей, свезенныхъ на берегъ, благополучно стояли до 26 ноября, когда судно потерпѣло полную аварію. Продолжавшійся нѣсколько дней сильный вѣтеръ, доходившій до силы шторма и дувшій на берегъ, развелъ „великое волненіе и высокое наводненіе“. Судно нанесло на камни и „до основанія *разбило*“, при чемъ почти всѣ снасти погибли.

Послѣ этого несчастья большинство команды бросило Бахова, разойдясь по острову для промысловъ. Баховъ и Шалауровъ остались только „въ пяти человѣкахъ“. Баховъ, однако, не растерялся и сейчасъ же сталъ хлопотать о постройкѣ новаго судна. Лѣсовъ не было на островѣ, но Баховъ съ товарищи принялись собирать по берегамъ выброшенные моремъ „разнаго рода лѣса“, а также разыскивать дерево подъ снѣгомъ. Обтесавши дерево на мѣстѣ находокъ, они свозили его въ зимовье на собакахъ, взятыхъ изъ Анадырска въ количествѣ 10 штукъ.

Весною, когда отошелъ ледъ отъ береговъ, лѣсъ свозили моремъ, буксируя его на сохранившихся лодкахъ къ мѣсту постройки судна. Желѣзо и нѣкоторыя снасти взяли съ разбитаго казеннаго пакетъ-бота „Св. Петръ“. Не смотря на малые размѣры новаго „суденка“ (длина его по килю 17½ аршинъ), постройка была закончена только къ іюлю 1749 г.

Медленность работы происходила оттого, что нѣкоторые казаки маленькой команды, оставшейся съ Баховымъ („въ 5 человѣкъ“), уклонялись отъ постройки судна, разселясь въ разныхъ концахъ острова для звѣринныхъ промысловъ. Особенно мѣшалъ работѣ вышеупомянутый казакъ Тимофей Переваловъ. „Презря свое данное въ компанію обязательство“, онъ уговорилъ большинство казаковъ „отдѣлаться въ другую компанію“, прибывшую весною на тотъ же островъ изъ Камчатки для боброваго промысла. Поселясь отдѣльно

отъ Бахова, онъ какъ-то явился изъ своего зимовья съ 6 казаками и сталъ требовать „со всякимъ обстоятельнымъ угроженіемъ“, выдачи своего и тѣхъ людей „обязательствъ“ компаніи Бахова. Послѣдній не выдалъ „обязательныхъ его подписокъ“, и Переваловъ ушелъ въ свое зимовье. Однако, когда судно было почти готово, Переваловъ съ товарищи поспѣшили примириться съ Баховымъ, чтобы имѣть возможность скорѣе добраться до Камчатки.

Баховъ говоритъ, что они жили отдѣльно „едва не до самого совершенства (т. е. окончанія) нашихъ при строеніи судна трудовъ“.

8 іюля Баховъ съ товарищи „наки ко 2-му вояжу дались — ко взысканію невѣдомой земли“, выйдя „въ открытое море на остъ-нордъ-остъ“. Однако, пройдя нѣсколько въ этомъ направленіи, Баховъ не рискнулъ идти дальше на своемъ маленькомъ и слабомъ суденышкѣ и вернулся на другой островъ изъ той же группы Командорскихъ острововъ. Простоявши здѣсь немного, онъ повернулъ къ Камчаткѣ и 24 августа прибылъ въ *Большерѣцкъ*.

Здѣсь Баховъ зазимовалъ. 9 марта 1750 г. онъ подалъ въ канцелярію Большерѣцкаго порта „доношеніе“, въ которомъ просилъ, „дабы то наше провѣдываніе, или о новомъ пути извѣстіе (т. е. плаваніе отъ Анадыря до Камчатки) принять особливо, ко услугамъ государственнымъ, и показать намъ всякую милость къ награжденію, а которыя по несчастію нашему взяты были нами на упоминаемомъ морскомъ острову, называемомъ по случаю Командорскимъ, казенныя вещи..., и оныя безъ всякаго бы возвращенія, не приводя въ важность наше дерзновеніе, милостивно отпустить...“ Канцелярія не отвѣтила на эту просьбу Бахова, но удовлетворила другое его желаніе: 14 марта онъ получилъ „во отпускъ въ море указъ“.

Гдѣ Баховъ плавалъ лѣтомъ 1750 г.—онъ не говоритъ, но повидимому—гдѣ-то около Камчатки и Курильскихъ острововъ. Осенью онъ очутился въ *Нижне-Камчатскомъ* острогѣ, гдѣ зимовалъ. 24-го декабря онъ получилъ указъ изъ канцеляріи Охотскаго порта, вызванный какъ просьбою Бахова о разрѣшеніи новаго морскаго плаванія, такъ и донесеніями изъ Нижне-Камчатска капитана Лебедева и „подпорпорщика“ Перевалова. Охотская канцелярія разрѣшила Бахову новое плаваніе, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно было направлено „къ приращенію“ государственныхъ интересовъ. Въ этихъ видахъ канцелярія предлагала Бахову такой планъ:

„Построенное обще съ Переваловымъ“ судно (такъ показалъ Переваловъ, находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что вслѣдствіе употребленія на

стройку казеннаго желѣза и проч., то судно слѣдуетъ считать „казеннымъ, а не купецкимъ“, съ чѣмъ соглашалась и канцелярія) „по первому вѣстному пути обвести вокругъ Камчатской *Лопатки* въ Большерѣцкое устье“, а оттуда Перевалову, съ анадырскими казаками, Баховымъ и съ казаками, отпущеннымъ капитаномъ Лебедевымъ, „слѣдовать вокругъ *Пенжинскаго моря* ¹⁾ въ *Сѣверную губу*“ ²⁾ и дальше, „хотя до р. *Аклана* ³⁾“, и извѣдать входъ въ устье той рѣки и судову пристань“. Если Баховъ откажется отъ выполнения этого плана, то Охотская канцелярія предписывала Лебедеву не отпускать Бахова въ море, чтобы онъ „безвѣстно не истратился“...

Разумѣется, Баховъ отказался отъ этого плана, очевидно указаннаго канцеляріи Переваловымъ, стремившимся поскорѣе добраться до Анадырскаго острога, сравнительно близкаго съ р. Аклана. Въмѣсто широкихъ замысловъ Бахова канцелярія ставила узенькую задачу Перевалова, да еще предлагала Бахову идти подъ команду ничтожнаго Перевалова, выдумавшаго свое участіе въ постройкѣ судна и самозванно называвшагося „подпрапорщикомъ“, тогда какъ онъ былъ всего рядовой „казакъ за подпрапорщика въ должности“. Еще оскорбительнѣе была для Бахова забота Охотской канцеляріи, какъ бы онъ безъ Перевалова „безвѣстно не истратился“ въ морѣ... Вѣдь Баховъ „не истратился“ даже потерявши свое анадырское судно и умѣло выбрался изъ отчаяннаго положенія, доведя свой планъ до конца.

Баховъ хорошо понималъ „происки“ Перевалова и отвѣчалъ Охотской канцеляріи, что погоня Перевалова за „первенствомъ“ ни на чемъ не основана: взятые изъ Анадырска 3 служилыхъ (въ томъ числѣ и Переваловъ) и 7 отставныхъ казаковъ „общее съ нимъ Переваловымъ счислялись въ равенствѣ по договорамъ своимъ съ прочими работными людьми, въ чемъ и подписками себя утверждали, за что отъ нашей компаніи по достоинству трудовъ ихъ были и коштваны“.

Свое „доношеніе“ въ канцелярію Охотскаго порта, съ отказомъ отъ пенжинской экспедиціи, Баховъ послалъ въ Охотскъ 20-го іюня 1751 г., а 12-го августа получилъ оттуда отвѣтъ, окончательно разрушившій его планы. Канцелярія приказала—построенное на Командорскихъ островахъ судно „поставить до указа на балки, подъ крышку“,

¹⁾ Пенжинская губа на сѣверной оконечности Охотскаго моря.

²⁾ Сѣверо-западная часть Пенжинской губы.

³⁾ Впадаетъ съ с.-в. въ Пенжинскую губу.

и сдѣлать это компанейскимъ „коштомъ“. Взятое съ разбитаго пакетъ-бота „Св. Петръ“ желѣзо, „склянки“, разные припасы и снасти— все это сдать въ казну. Самого же Бахова съ товарищи не отпускать изъ Камчатки до полученія указа.

Баховъ сдалъ въ Нижнекамчатскѣ свое судно со всѣми принадлежностями, въ чемъ получилъ „квитанцію“ отъ „прикащика“ мѣстной „приказной избы“ Ивана Росторгуева.

Въ заключеніе своего разсказа Баховъ справедливо негодуетъ, что вопреки сенатскимъ разрѣшительнымъ указамъ и распоряженіямъ тобольской губернской канцеляріи, мѣстная охотская и камчатская администрація безъ достаточныхъ основаній „удержала“ его въ Камчаткѣ 4 года (безъ двухъ мѣсяцевъ) и лишила компанію построеннаго ею судна. Смѣлая экспедиція изъ Анадырска въ Камчатку и безцѣльное 4-лѣтнее пребываніе въ послѣдней оставили компанейщиковъ—И. Бахова, И. Жилкина и Н. Шалаурова— „безъ всякаго прибытка, а паче же со изнуреніемъ изъ собственнаго своего капитала“...

II.

Приготовленія Бахова въ полярной экспедиціи, 1754—1756 гг. ¹⁾.

Камчатскія неспріятности не ослабили энергій Ивана Гавриловича Бахова. Въ 1754 г. онъ подаетъ „всепоподаниѣйшую челобитную“ о разрѣшеніи ему полярнаго плаванія съ рѣки Лены до Камчатки (лл. 1—7).

Онъ говоритъ въ челобитной, что въ 1754 году вмѣстѣ съ Никитой Шалауровымъ построили они морское судно „шлюпошного ма-нира“, длиною по килю 9 сажень, „глуби 3 аршинъ“. Строили они судно „собственнымъ своимъ коштомъ“ на р. Ленѣ, въ дер. Вешняковой, Чичуйской волости.

„Для размноженія російскаго партикулярнаго мореплаванія“ и „къ приращенію государственнаго интереса“ Баховъ желаетъ, весною 1755 г., двинуться на своемъ суднѣ р. *Леною* къ устью, а оттуда „возобновить путь“ по *Свертому* морю въ Восточное или Тихое море до *Камчатки* и „до прочихъ тамошнихъ мѣстъ, къ сысканію новыхъ неизнаемыхъ до сего острововъ и земель, и для промыслу на оныхъ всякихъ звѣрей“. Описаніе морскихъ острововъ, какіе „вновь изобрѣ-

¹⁾ Архивное дѣло, лл. 1—21, 31—39 и слѣд.

тены (т. е. открыты) будутъ“, также морскихъ береговъ, рѣкъ и проч.—все онъ станетъ „исправлять собою, не требуя къ тому геодезиста“. Всѣ свои описанія онъ будетъ доставлять въ иркутскую губернскую канцелярію.

Матросовъ на судно и работныхъ людей для промысловъ ему необходимо до 60 человѣкъ, которыхъ онъ наберетъ изъ „вольныхъ и неподозрительныхъ людей“. Съ инородцами Баховъ обязуется имѣть „мирное и добропорядочное обхожденіе, не причиняя имъ никакихъ обидъ и озлобленій“. Чтобы воздержать отъ послѣдняго свою команду, Баховъ проситъ дать ему и Шалаурову право—„по своему разсмотрѣнію смирять“ своихъ людей, о чемъ „дать наставленіе“.

Такъ какъ въ предпринимаемомъ „вояжѣ... уповаемо быть не безъ острововъ... и не безъ людей“, то для охраненія отъ „островныхъ жителей“ и особенно „немирныхъ чужихъ“ необходимо имѣть на суднѣ 3 небольшихъ пушки, „съ пристойнымъ числомъ“ ядеръ и картечи, также 5 пудовъ пушечнаго пороха и 10 пудовъ винтовочнаго. Все это проситъ отпустить изъ казны, такъ какъ ничего изъ этихъ припасовъ не имѣется въ Иркутскѣ „въ партикулярной продажѣ“.

Когда Баховъ дойдетъ до устья р. Ковымы (Колымы), до котораго 3 года назадъ доходили морскіе офицеры, „съ немалымъ казеннымъ убыткомъ“¹⁾, онъ проситъ отдать ему морской ботъ и разные морскіе матеріалы и припасы, оставленные лейтенантомъ Лаптевымъ въ Нижне-Ковымскомъ зимовьѣ. Отъ долговременнаго „лежанія“ они „могутъ вовсе истратиться“, а перевозка ихъ сухимъ путемъ въ Якутскъ или Охотскъ обойдется очень дорого.

Помня свои камчатскія неудачи и придиричивое отношеніе тамошнихъ властей, Баховъ проситъ, чтобы „быть мнѣ... во всемъ подъ вѣдѣніемъ иркутской губернской канцеляріи“, а не мѣстныхъ „комиссаровъ“ и „прикащиковъ“, которые „могутъ приметками всякую вымышленную *извѣдану* для своихъ бездѣльныхъ корыстей чинить“... Проситъ также, чтобы „тамошнія (т. е. по пути) присутственныя мѣста“ принимали его „рапорты“ о ходѣ плаванія, для отсылки ихъ въ иркутскую губернскую канцелярію „при случающихся оказіяхъ, безъ всякой утайки“.

¹⁾ Неизвѣстно, кого здѣсь разумѣетъ Баховъ? Если Дм. Лаптева, о которомъ говорить нѣжно, то Лаптевъ плавалъ не 3 года назадъ (т. е. въ 1751 г.), а въ 1739—1741 гг. Въ промежутокъ между экспедиціями Лаптева и Бахова неизвѣстны другія полярныя плаванія.

Въ заключеніе своей челобитной Баховъ просить о выдачѣ ему и Шалаурову изъ Иркутской губернской канцеляріи разрѣшительнаго указа „съ наставленіемъ“ относительно задуманнаго плаванія, о дозволеніи принять на судно 60 „работныхъ людей“ и проч. Челобитную писалъ 1-го декабря 1754 г. иркутскій казакъ Ѳеодоръ Злобинъ, но челобитная подписана самимъ Иваномъ Баховымъ.

22-го декабря вице-губернаторъ Иркутской провинціи генерал-майоръ Иванъ Вульѳ переслалъ челобитную Бахова Сибирскому губернатору генералъ-лейтенанту Василью Алексѣвичу Мятлеву. Въ своемъ „доношеніи“ (л. 8—9) Вульѳ рѣшительно поддерживаетъ проектъ Бахова, ссылаясь особенно на сенатскій указъ 18-го февраля 1734 г., гдѣ между прочимъ говорится: „удобнѣе безъ убытку казеннаго, (если) сами купцы и промышленники въ отдаленныя мѣста путь сыщутъ, какъ Камчатка и нынѣ прежде неизвѣстныя мѣста купцами и промышленниками сысканы“... Вульѳ добавляетъ къ этому, что если Баховъ исполнитъ свой планъ, тогда откроется болѣе удобный путь для казенныхъ транспортовъ на Анадырь и въ Камчатку.

Въ отвѣтъ сибирскаго губернатора Вульѳу, отъ 31-го января 1755 г. (л. 9 об. и слѣд.), находимъ любопытное извлеченіе изъ рапорта капитана ¹⁾ Дмитрія Лаптева о его полярномъ плаваніи 1739—1741 гг. (л. 10—11), представленнаго имъ въ адмиралтействъ-коллегію и присланнаго въ копіи губернатору. Послѣдній пересылаетъ ее Вульѳу для руководства Бахова.

Лаптевъ говоритъ ²⁾, что вышелъ изъ устья р. Лены въ Сѣверное море 22-го іюля 1739 г. и свободно дошелъ въ послѣднихъ числахъ августа до устья р. Индигирки, гдѣ зимовалъ. Въ слѣдующее лѣто онъ могъ выйти въ море только 30-го іюля и, слѣдуя подлѣ берега, встрѣтилъ уже массу льдовъ какъ стоячихъ („множество на меляхъ“), такъ и плывучихъ („носячихъ“). 4-го августа подошелъ къ устью р. Колымы, откуда слѣдовалъ подлѣ „Чукотскаго берега“, направляясь къ востоку, и скоро вошелъ „въ великіе густые льды“ (до 7—10 сажень глубины), съ очень узкими проходами между ними (отъ 5 до 10 сажень ширины). Въ этихъ льдахъ Лаптевъ медленно двигался впередъ съ 9-го по 14-е августа, когда очутился въ неподвижныхъ льдахъ „безъ всякой прогалины“. Не находя дальнѣйшаго про-

¹⁾ Архивное дѣло вездѣ называетъ его „капитаномъ“, а *Врангеля*—„лейтенантомъ“ (с. 58 и слѣд.).

²⁾ Срав. *Врангеля*, 60—66.

хода, Лаптевъ вернулся обратно, къ устью Колымы, съ трудомъ прокладывая путь среди такой же массы густыхъ льдовъ. Войдя въ рѣку, зимоваль онъ въ Нижне-Колымскомъ острогѣ.

29-го іюня 1741 г. Лаптевъ предпринялъ третье плаваніе на востокъ, имѣя на этотъ разъ, кромѣ морского бота, еще 2 гребныхъ судна, „самыхъ легкихъ“. 5-го августа онъ достигъ того самаго пункта, откуда вернулся въ прошломъ году, также идя все время во льдахъ и держась берега. Отъ указаннаго пункта Лаптевъ двинулся къ сѣверу, но скоро былъ окруженъ такими массами льда, что едва выбрался изъ нихъ и повернулъ назадъ къ западу, держась береговъ.

Лаптевъ передаетъ, что по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей—отъ р. Колымы до Чукотскаго носа будетъ 1000 верстъ. Берегъ здѣсь „нѣсколько возвышается къ сѣверу и весь каменной, съ высокими утесами“. Отъ Чукотскаго носа до Камчатки „разстоянія немало“. Трехлѣтнія попытки Лаптева „довольно засвидѣтельствовали“, что „кажется моремъ на Камчатку, для препятствія льдовъ и великости разстоянія, отъ вѣку ходу не бывало...“.

Въ дополненіе къ этимъ словамъ Лаптева сибирскій губернаторъ отъ себя замѣчаетъ: хотя „неуповательно“, чтобы Баховъ и Шалауровъ сыскали проходъ въ Камчатку, но принимая во вниманіе, что плаваніе они предпринимаютъ на „собственный коштъ“, не требуя помощи отъ правительства, и предполагая, что „такой путь чрезъ свое домогательство (они) и изыщутъ“, губернаторъ соглашается съ Вульбоомъ, что это предпріятіе весьма полезно. Если даже они не найдутъ прохода въ Камчатку, то уже одно „акуратное описаніе“ береговъ принесетъ пользу. Губернаторъ ссылается на тотъ же сенатскій указъ отъ 18-го февраля 1734 г., предписывающій оказывать всевозможное содѣйствіе предпринимателямъ въ родѣ Бахова.

На всѣхъ этихъ основаніяхъ губернаторъ предписываетъ Вульбу (л. 12) отпустить Бахова и Шалаурова „въ намѣрившійся ихъ путь“ и разрѣшить имъ набрать 60 работныхъ людей не бѣглыхъ и не безпаспортныхъ. Слѣдуетъ наблюдать, чтобы провіантъ на суднѣ былъ припасенъ не менѣ „какъ совершенно на годъ“.

Губернаторъ посылаетъ „прочетный указъ“ Бахову и Шалаурову, разрѣшающій имъ плаваніе, а дополненія къ нему „по тамошнимъ обстоятельствамъ“ предоставляетъ сдѣлать Вульбу. Такъ, онъ долженъ обязать купцовъ „подписками, подъ смертною казнью“, чтобы они не чинили „никакихъ обидъ и ни малѣйшихъ озлобленій“ какъ яснымъ людямъ, такъ и новымъ инородцамъ, еще не состоящимъ въ россій-

скомъ подданствѣ. Во время пути Баховъ долженъ вести „вѣрную повседневную записку“ и по окончаніи плаванія представить ее начальству. Въмѣсто пушекъ разрѣшается взять ему находящіеся въ Нижне-Ковымскѣ 3 фальконета съ потребнымъ количествомъ ядеръ и картечи. Изъ того же острога отпустить ему „за указную цѣну“ просимое количество пушечнаго пороха, а винтовочный порохъ дать въ Иркутскѣ. Баховъ можетъ взять въ Нижне-Ковымскѣ казенные „ботовые матеріалы“, но только за плату.

Челобитная Бахова переслана губернаторомъ въ сенатъ. Последній можетъ запретить плаваніе, вслѣдствіе неудачъ капитана Лаптова, но чтобы не ставить Бахова въ затрудненіе въ виду приближенія весны, когда онъ намѣревался начать путешествіе, губернаторъ рѣшается дать ему разрѣшеніе, не дожидаясь сенатскаго указа.

Какъ увидимъ ниже, губернаторъ напрасно торопился съ своимъ разрѣшеніемъ: не только въ 1755 г., но и въ слѣдующемъ году Баховъ почему-то не могъ начать плаваніе и двинулся въ путь только въ 1757 году.

Къ отвѣту губернатора приложенъ „прочетной указъ“ Бахову и Шалаурову, отъ 31-го генваря 1755 г. (л. 14 об.), разрѣшающій именемъ губернатора плаваніе, съ предписаніемъ мѣстнымъ властямъ оказывать путешественникамъ всяческое содѣйствіе и проч.

На рапортъ губернатора Мятлева въ сенатъ, въ февралѣ 1755 г. (л. 17), послѣдовалъ сенатскій указъ отъ 13-го апрѣля, который „апробоваль“ представленіе Мятлева, т. е. разрѣшалъ Бахову и Шалаурову задуманное плаваніе (л. 21). Указъ полученъ въ Тобольскѣ 8-го іюня.

Въ рапортѣ Мятлеву, отъ 7-го іюля (л. 31), иркутскій вице-губернаторъ Вульѣ между прочимъ сообщаетъ, что 5-го мая Баховъ подалъ ему новую челобитную (л. 34), гдѣ говоритъ, что Шалауровъ находится при судиѣ (Илимскаго у., Чичуйской вол., въ дер. Вешняковой, въ 1000 в. отъ Иркутска), а онъ, Баховъ, занявъ наймомъ 60 работныхъ людей. Въ Иркутскѣ онъ не нашелъ желающихъ и предполагаетъ найти на р. Ленѣ, въ Илимскомъ и Якутскомъ уѣздахъ. Баховъ проситъ: чтобы работные люди во время плаванія „самовольно нигдѣ не отставали и не уходили“, „воляжъ отправляли со всякимъ усердіемъ“ и „во всемъ были послушны“—„въ томъ ихъ опредѣлить имъ, Бахову и Шалаурову, обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подпискою“.. Для „лутчаго удержанія“ людей „отъ свое-

вольныхъ поступокъ“, Баховъ просить дать ему право наказывать ихъ, „смотря по винамъ, кошками“.

Чтобы оградить себя отъ мѣстныхъ командировъ, прикащиковъ и т. п., которые „чинять вымышленныя для своихъ корыстей пріметки“ (что было съ самимъ Баховымъ въ Камчаткѣ, гдѣ задержано его судно), онъ просить, чтобы мѣстныя власти „не вѣдали“ его и работныхъ людей „ни судомъ, ни расправою, кромѣ криминальныхъ дѣлъ“, но чтобы быть имъ „во всемъ вѣдомымъ въ иркутской губернской канцеляріи“.

Для „лучшаго обхожденія и дружелюбія“ съ инородцами, Баховъ просить разрѣшить мѣновую торговлю съ ними: свои топоры, ножи, котлы и проч. онъ будетъ мѣнять на ихъ „припасы и товары“, по добровольному соглашенію.

Наконецъ, онъ просить, чтобы ему разрѣшили поставить на свое судно флагъ, находящійся на казенномъ ботѣ въ Нижне-Ковымскѣ (т. е. на морскомъ ботѣ Лалтева).

Вульѣ сообщаетъ Мятлеву, что „прочетной указъ“ отданъ Бахову, подъ его расписку. Почти всѣ его просьбы удовлетворены. Такъ ему разрѣшено показывать работныхъ людей, для чего завести „записку—кто, когда и за что будетъ наказанъ“. Для подарковъ инородцамъ и для мѣновой торговли съ ними выданъ Бахову изъ иркутской „рентерей-казны“ 1 пудъ „китайскаго шара“ (табакъ) за 10 р. (хотя въ Иркутскѣ онъ продавался по 20 р. пудъ). Полученные отъ инородцевъ товары за „шаръ“ Баховъ долженъ записывать отдѣльно отъ своихъ „партикулярныхъ“ прибылей.

Въ своей мореходной „запискѣ“ Баховъ долженъ отмѣчать—„положеніе мѣсть, глубину воды, время и погоды какія“, дни ведряные или облачные, туманы, громы, молніи, штормы, вихри и „протчес все приключаемое, а паче всего *Чукоцкій носъ* окуратно описать“. Не оставлять также безъ вниманія и описать „примѣчанія достойныя куріозныя камни, руды и протчія диковинныя вещи“, образцы которыхъ брать съ собою „для пробъ“.

Бахову разрѣшено поднимать на своемъ суднѣ флаги, кромѣ „штандартовъ“ съ государственнымъ гербомъ. Отъ суда мѣстной администраціи Баховъ и Шалауровъ освобождены, кромѣ „криминальныхъ дѣлъ“. Если они „станутъ какія съ указами несходныя поступки оказывать“, мѣстные командиры должны о томъ доносить въ иркутскую губернскую канцелярію. Пороху отпущено Бахову 4 пуда 26 фунтовъ, по 60 коп. фунтъ.

Всѣ эти распоряженія Вульва по дѣлу Бахова Мятлевъ изложилъ въ донесеніи сенату отъ 23-го ноябрю 1755 г. (л. 38 об.).

Этими документами заканчивается дѣло о приготовленіяхъ Бахова къ полярной экспедиціи. Но подготовка продолжалась и въ слѣдующемъ 1756 году.

III.

Полярная экспедиція Бахова и Шалаурова съ р. Лены до р. Колымы, 1757—1760 гг. ¹⁾.

Въ „сообщеніи“ сибирской губернской канцеляріи сибирскому губернатору тайному совѣтнику *Соймонову*, отъ 30-го марта 1759 г., говорится между прочимъ, что Баховъ и Шалауровъ еще не „вожжировались“ съ 1758 г. въ задуманное плаваніе (л. 156 об.). Но это было невѣрно: какъ увидимъ ниже, „вожжъ“ ихъ начался еще въ 1757 г. Гораздо правильнѣе выразился Соймоновъ въ рапортѣ сенату, отъ 22-го апрѣля того же года, что онъ „не имѣетъ никакого извѣстія“ о плаваніи Бахова и Шалаурова (л. 183).

Первое извѣстіе объ ихъ экспедиціи получено было только лѣтомъ 1761 г., когда якутская воеводская канцелярія донесла Соймонову (л. 332), что 15-го іюня присланы изъ Верхоянскаго и Усть-янскаго зимовей разныя бумаги, между которыми оказался конвертъ Устюжскаго купца Никиты Шалаурова, адресованный въ иркутскую губернскую канцелярію. Печать на конвертѣ была сломана, воеводская канцелярія рассмотрѣла содержимое и признала сообщеніе Шалаурова „весьма нужнымъ“ для сибирскаго губернатора, которому и отправила копію съ „доношенія“ Шалаурова, а подлинникъ отослала въ Иркутскъ.

Привожу въ извлеченіи это „доношеніе“ Шалаурова“ (л. 332 об.—338), снова напоминая, что къ сообщеніямъ его о Баховѣ, рисующимъ послѣдняго въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ, нужно относиться съ большою осторожностью. Борьба между ними изъ-за „первенства“ въ экспедиціи временами обострялась до крайнихъ предѣловъ и заставляла быть несправедливыми относительно другъ друга. Къ сожалѣнію, не сохранилось подобныхъ же доношеній Бахова (или они еще не найдены) и, потому, нѣтъ возможности вполне кри-

¹⁾ Архивное дѣло л. 156 об., 183, 332—344.

тически отнестись къ разсказу Шалаурова. Во всякомъ случаѣ ему нельзя дать полной вѣры во всемъ томъ, что онъ говоритъ о своемъ соперникѣ Баховѣ.

Вотъ что разсказываетъ Шалауровъ:

Лѣтомъ 1757 г. они съ Баховымъ спустились по р. *Ленъ* отъ дор. Вешняковой, Илимскаго у. (гдѣ строилось судно) до Якутска, откуда тронулись дальше 12-го сентября. Дойдя до устья р. Вилюя, они вынуждены были остановиться на зимовку, такъ какъ здѣсь захватилъ ихъ „студеный воздухъ“ и на рѣкѣ появился крупный ледъ. Зимнія „квартиры“ они устроили на берегу.

Уже здѣсь начались раздоры между Баховымъ и Шалауровымъ. Отъ бездѣлья Баховъ началъ пьянствовать и чинить Шалаурову „несносныя обиды и разоренія“. При всей командѣ—говорить послѣдній—онъ „похвалялся изрубить меня въ мелкія части“, а наединѣ также „похвалялся“, что и меня зарѣжетъ, и самъ зарѣжется... „И оттого я нижайшій весьма сталъ опасенъ“ и собирался уѣхать въ Якутскъ.

Однажды Баховъ устроилъ попойку и, собравъ рабочихъ людей въ свою „казенку“, началъ подговаривать ихъ противъ Шалаурова. Одинъ изъ нихъ Яковъ Елесинъ, вернувшись „въ казарму“ рабочихъ, кричалъ имъ: „знайте! мы Шалаурова пропиваемъ!“ Баховъ останавливалъ его и посылалъ за Шалауровымъ своего своднаго брата Илью Оконешникова, но Шалауровъ не пошелъ, опасаясь злого умысла, такъ какъ раньше Баховъ никогда не приглашалъ его въ свою казенку. Ночью Баховъ пришелъ въ „казарму“, подошелъ къ казенкѣ Шалаурова и, ставши на колѣни, просилъ прощенія. Шалауровъ простилъ, видя, что Баховъ угрожалъ ему „пьянскимъ образомъ“. Поэтому, и во время поѣздки въ Якутскъ Шалауровъ „въ командѣ не объявилъ“ объ угрозахъ Бахова, чтобы не произошло остановки въ предпринятомъ „вожатѣ“.

Остальную зиму и весну Шалауровъ провелъ въ Якутскѣ. Баховъ оставался при суднѣ. Какъ только весною 1758 г. рѣка очистилась отъ льдовъ, Баховъ „поплылъ безъ меня“ съ устья р. Вилюя внизъ по Ленѣ. Пройдя Жиганское зимовье, онъ спустился до Сиктацкаго зимовья, гдѣ его нагналъ Шалауровъ, привеза изъ Якутска провіантъ и 33 новыхъ рабочихъ людей „для прибавки“.

Очевидно, эта прибавка не столько требовалась въ дѣйствительности, сколько нужна была Шалаурову, чтобы имѣть на суднѣ свою партію среди рабочихъ людей... Баховъ не протестовалъ, имѣя за

собою еще болѣе значительную партію нанятыхъ имъ людей, не говоря уже о томъ, что за нимъ было право „первенства“, признанное официальными документами.

Здѣсь у Сиктадкаго зимовья, Баховъ и Шалауровъ взяли со всѣхъ рабочихъ „записи“ объ условіяхъ службы. Шалауровъ отказывался принять тѣхъ 3 рабочихъ, которые особенно угрожали ему во время вышеупомянутой попойки, но Баховъ отстоялъ ихъ.

10-го іюля достигли устья р. Лены у *Быкова мыса* (л. 334). Судно оснастили и стали грузить, готовясь къ выходу въ море. Шалауровъ увѣряетъ, что „нераченіемъ“ и „злыми умыслами“ (?) Бахова нагрузка затянулась до самой глухой осени—до сентября, когда поздно было выходить въ море, уже покрывавшееся льдами. Пришлось зимовать у *Быкова мыса*.

Для части команды построили казармы на берегу, а остальныхъ отправили въ Якутскъ „для прокормленія“. Караульныхъ на суднѣ Баховъ оставилъ, безъ согласія Шалаурова, подъ начальствомъ рабочаго Шукшина, одного изъ 3 рабочихъ людей, которыхъ Шалауровъ не хотѣлъ оставлять на суднѣ.

Шалауровъ отправился на р. Оленку (Оленекъ). Когда онъ отѣхалъ отъ судна 50 верстъ и остановился для „ночлега въ якутской землѣ“ (13-го ноября), за нимъ „пріѣхалъ въ погоню якутъ“, съ извѣстіемъ о пожарѣ на суднѣ. Шалауровъ поѣхалъ обратно (на 9-ти нартахъ) и поутру достигъ судна. Пожаръ успѣли захватить и судно отстояли, но все же понесли „не малой вредъ и убытокъ“: котлы, блоки и „многія судовыя надобности пригорѣли“. Шукшина и другихъ караульныхъ людей у судна Шалауровъ выслалъ въ якутскую воеводскую канцелярію, какъ „людей сомнительныхъ“. Кромѣ того, онъ отказалъ 20 работникамъ, оставивъ только 53 человека—„рачителей“ и „къ пользѣ ея императорскаго величества вѣрныхъ служителей“...

Очевидно, Бахова въ это время не было на суднѣ, и Шалауровъ поспѣшилъ удалить съ судна всѣхъ непріятныхъ ему рабочихъ людей, особенно преданныхъ Бахову... Сдѣлавши это, Шалауровъ снова отправился „во свой путь“, т. е. на р. Оленку, вѣроятно для торговыхъ операций съ инородцами.

Лѣтомъ 1759 г. всѣ собрались у судна, но почему-то (Шалауровъ увѣряетъ, что „за прихотями“ Бахова) простояли у того же *Быкова мыса*, гдѣ зимовали, до 12-го августа, когда наконецъ вышли въ море изъ устья р. Лены, направляясь на востокъ.

Плаваніе было неудачное. Лучшее время было упущено, и море начинало уже покрываться льдами. Съ 12-го августа до 5-го сентября едва добрались до устья р. *Яны*. Темного не доходя послѣдняго, судно едва не потерпѣло аварію: напоромъ льда его ударило въ берегъ. Не имѣя возможности выбраться изъ льдовъ, рѣшили тутъ зимовать и занялись выгрузкою и „рознаскою“ судна. Когда укрѣпился ледъ, вышли на берегъ и построили казарму.

Шалауровъ говоритъ, что во время плаванія до Яны Баховъ былъ „не согласенъ со мною въ описаніи береговъ и во всякихъ случаяхъ“, не далъ ему копій съ полученныхъ указовъ, работнымъ людямъ приказывалъ не слушать его и проч. „Отъ празднаго продолженія имъ времени“ Шалауровъ несетъ не малые убытки. Хотя въ суднѣ за Баховымъ „счислится третія часть“, въ которой Шалауровъ „по немъ порукою сверхъ своей положенной части“, но послѣдній считаетъ невозможнымъ продолжать „вояжъ“ на одномъ суднѣ съ Баховымъ. Однако, онъ не желаетъ бросать задуманнаго дѣла.

Въ этихъ видахъ онъ отправился, зимою 1759 г., въ *Нижне-Ковымскій* острогъ, чтобы осматрѣть морской ботъ, оставленный тамъ капитаномъ Дмитріемъ Лаптевымъ. Шалауровъ пашель, что послѣ починки ботъ годится для плаванія въ Камчатку.

Выѣхавши обратно къ судну, онъ „съ великою нуждою“ добрался до русскаго зимовья на р. *Индигиркѣ*, гдѣ захватила его такая распутица, что дальше ѣхать не могъ. Шалауровъ остался здѣсь „жить и лѣтовать“, т.-е. провелъ тутъ все лѣто 1760 г.

Неизвѣстно, гдѣ „лѣтовалъ“ Баховъ, но несомнѣнно, что лѣто 1760 г. судно простояло въ *Устьянскѣ*, не дѣлая, повидимому, попытокъ двинуться въ море. Не позволяли ли этого ледовитость моря, или состояніе судна, или раздоры Бахова съ Шалауровымъ—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ послѣдній не объясняетъ, почему онъ остался лѣтовать на Индигиркѣ.

Во всякомъ случаѣ, совершенно невѣрно сообщеніе *Врангеля*, будто „въ 1760 г. Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотѣ внизъ по Ленѣ“ и „прошли не далѣе р. Яны“ (стр. 70). Изъ „доношенія“ Шалаурова мы знаемъ, что плаваніе по Ленѣ произошло въ 1757 и 1758 гг., а моремъ отъ устья Лены до устья Яны въ 1759 г. Лѣтомъ же 1760 г. судно продолжало стоять въ устьѣ Яны.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Шалауровъ распространяется о своихъ ссорахъ съ прибывшимъ въ Индигирское зимовье ясачнымъ сборщикомъ якутскимъ казачьимъ сотникомъ Иваномъ Кандаковымъ. Этотъ

разсказъ цѣненъ для характеристики Шалаурова, очевидно — чловѣка неуживчиваго, не ладившаго со всѣми, съ кѣмъ сталкивала его судьба. Въ этой чертѣ Шалаурова лежитъ и разгадка его отношеній къ Бахову...

Шалауровъ увѣряетъ, что Кандаковъ „чинилъ“ ему „не малыя обиды и великія нападки, для своей бездѣльной корысти и своего лакомства“ (sic). Много разъ сотникъ присылалъ за нимъ своего „пищика“, требуя къ себѣ для какого-то допроса („а не знаю въ чемъ“), но тотъ не пошелъ. Тогда сотникъ приказалъ согнать Шалаурова съ квартиры и отдать приказъ мѣстнымъ жителямъ, „которые у него подъ командою“, чтобы никто не держалъ Шалаурова на квартирѣ и кормовъ ему не продавалъ. Шалауровъ могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи и даже погибнуть голодною смертію, если бы въ зимовьѣ не оказалось „другой команды“ (?), не подчиненной Кандакову. Вообще, послѣдній тѣснилъ не одного Шалаурова, но и другихъ жителей зимовья, какъ и служилыхъ людей. Всѣхъ онъ приводилъ „въ немалое разореніе“, развѣзжая „въ гости“ съ женою и требуя „великія взятки“—деньгами, песцами, лисицами и проч.

Разумѣется, зная повадки большихъ и маленькихъ сибирскихъ сатраповъ и сатрапиковъ того времени, можно повѣрить тому, что говоритъ Шалауровъ о Кандаковѣ. Но страннымъ представляется, что самъ Шалауровъ не приводитъ ни одного факта, который подтвердилъ бы его голословное утвержденіе о „не маломъ разореніи“ отъ Кандакова. Угроза лишить квартиры и кормовъ осталась угрозою, не приведенною въ исполненіе. Наоборотъ, Шалауровъ выдаетъ здѣсь себя съ головою, когда говоритъ, что поводъ къ ссорѣ съ Кандаковымъ подалъ именно онъ самъ, Шалауровъ, отказавшись явиться къ сотнику для допроса по какому-то дѣлу. Еще нужно удивляться мягкости сотника, не съумѣвшаго заставить зазнавашагося купца прибыть къ допросу.

Въ ноябрѣ 1760 г. Шалауровъ выѣхалъ изъ Индигирскаго зимовья, направляясь къ судну. Бахова онъ не засталъ въ Устьянскѣ, какъ и 25 работныхъ людей, ушедшихъ съ судна вслѣдствіе яко бы „непорядочныхъ поступковъ“ Бахова, о чемъ и подано ими въ сентябрѣ заявленіе въ мѣстную „ясашную избу“. Ниже Шалауровъ говоритъ, что изъ оставшихся при суднѣ 17 работныхъ людей—14 чловѣкъ заявили уже Шалаурову о своемъ уходѣ. Разумѣется, онъ молчитъ о причинѣ ихъ ухода и не говоритъ, что они ушли отъ его „непорядочныхъ поступковъ“...

Взявши казака изъ Устьянскаго зимовья, Шалауровъ отправился для осмотра судна. Провіанта оказалось всего до 100 пудовъ, „а крупы и сухарей не все истрачено“, прочія же, „судовыя надобности“—ленъка, желѣзо и проч.—исчезли. Вообще, судно было приведено „въ крайне великое обнаженіе“, въ чемъ онъ винить Бахова, равно какъ и въ томъ, что „истратилъ попустому“ до 600 пудовъ стѣстныхъ припасовъ. Работныхъ людей онъ „не допускалъ“ къ лѣснымъ, рыбнымъ и „гусинымъ промысламъ“ и „мучилъ за всегда въ пустыхъ (?) своихъ работахъ и прихотяхъ“.

Странно, что и здѣсь Шалауровъ отдѣливается одними словами; не объясняя, въ чемъ состояли „пустыя работы“ Бахова. Также голословно онъ винить далѣе Бахова за то, что онъ уѣхалъ съ судна „безо всякаго резону“, забывал, что самъ же по году и больше бросалъ судно также „безо всякаго резону“... Можетъ быть, всѣ эти задержки въ плаваніи и прогулъ цѣлаго лѣта (1760 г.) и зависѣли именно отъ продолжительныхъ отлучекъ съ судна самого Шалаурова. Связанный съ нимъ и договоромъ компанейскимъ, и сенатскимъ указомъ, и другими официальными актами, Баховъ не рѣшился одинъ отправиться въ плаваніе и все поджидалъ компаньона. Возможно, что и осенью 1760 г. Баховъ потому отсутствовалъ изъ Устьянска, что поѣхалъ на розыски Шалаурова, „безо всякаго резону“ застрявшаго на все лѣто въ Индигирскомъ зимовьѣ.

Баховъ уѣхалъ, увезя всѣ указы, не оставивши Шалаурову и копій съ нихъ, и ничего не написалъ ему (а писалъ ли Бахову Шалауровъ, лѣтуя на Индигиркѣ?..). „За великой стужей“ Шалауровъ не успѣлъ осмотрѣть — цѣлы ли на суднѣ инструменты, книги, паспорта рабочихъ и проч.

Нынѣ (генварь 1761 г., когда писалось „доношеніе“) Шалауровъ находится „въ великихъ суетахъ“ относительно найма работныхъ людей, которыхъ собралось у него 29 человекъ изъ числа старыхъ, хотѣвшихъ уходить и вновь нанятыхъ. Они дали „запись за своими руками“, явленную въ Устьянской ясачной избѣ (см. ниже). Не желавшихъ идти съ нимъ 14 человекъ просить держать подъ карауломъ „до окончанія вояжа“... Впрочемъ, ежели кто изъ нихъ одумается, онъ станетъ принимать ихъ. Уѣхавшихъ съ Баховымъ 3 рабочихъ не желаетъ принимать, какъ людей „сумнительныхъ“, „въ путь не способныхъ“ и вполне „согласныхъ“ съ Баховымъ во всѣхъ его „злыхъ случаяхъ“ (?).

Самого Бахова Шалауровъ не намѣренъ допускать на судно, за

его „злые вымыслы“ и за то, что привелъ доносителя въ „крайнее разореніе“. Послѣдній смѣло говоритъ въ заключеніе своего „доношенія“: морское плаваніе „править и одинъ могу“, надѣясь безъ Бахова вести „исчисленіе и описаніе и примѣчаніе, хотя и не противъ ученыхъ людей“... Проситъ выдать копіи съ указовъ, разрѣшающихъ плаваніе, которое будущимъ лѣтомъ намѣренъ продолжать (л. 338).

Къ доношенію приложена „запись“ рабочихъ людей (лл. 339—340), явленная 5-го декабря 1760 г. въ Устьянскій ясащій избѣ. Запись требуетъ отъ рабочихъ безусловнаго подчиненія Шалаурову, отъ котораго они должны „не отставать ни за какимъ препятствіемъ и простираться (съ нимъ) до самой Камчатки“. Каждый рабочий получаетъ отъ промысловъ „полупай“, а другая половина пая идетъ Шалаурову. „Пай считать—сколько насъ человѣкъ рабочихъ будетъ“, да одинъ пай назначается „на церковное строеніе“. Пай умершихъ отсылать въ ихъ семьи.

Разумѣется, въ „записи“, продиктованной Шалауровымъ, дѣло не обошлось безъ выходки по адресу Бахова... Въ концѣ записи читаемъ (л. 340): „а тебѣ Шалаурову не управляться такимъ образомъ, какъ прежде сего Баховъ поступалъ и безвинно наказывалъ кошками, и никакого резону не спрашивалъ (?), и стоялъ въ пути по два года на одномъ мѣстѣ ¹⁾, и до промысловъ не допускалъ..., отчего мы отъ него Бахова и отошли, и подали на него объявленіе Устьянскаго зимовья въ ясащій избу, обо всѣхъ его поступкахъ, 1760 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ... Да впредь съ нимъ Баховымъ идти не желаемъ, а ежели ты Шалауровъ онаго Бахова опять попрежнему возъмешь къ себѣ въ морской вояжъ въ товарищи ²⁾, то бы тебѣ насъ отъ того вояжа уволить“... Если же будутъ присланы „другіе командиры, а не Баховъ, въ томъ не препятствуемъ“...

Къ записи приложены „объявленія“ рабочихъ людей о разныхъ ссорахъ между ними, дракахъ и т. п. (лл. 341 об.—344).

Этими документами оканчиваются архивныя данныя о полярной экспедиціи Бахова.

¹⁾ Это уже prima facie: „запись“ писалась въ январѣ 1761 г., когда самой продолжительной стоянкѣ—въ Устьянскѣ—минуло только 1 годъ 4 мѣсяца. Да еще вопросъ: Баховъ ли виноватъ въ этой и другихъ остановкахъ?.. Скорѣе виноватъ Шалауровъ, самъ бросавшій судно по году и больше.

²⁾ Это также ложь: въ дѣйствительности, какъ сейчасъ ниже проговаривается запись, „командиромъ“ судна былъ Баховъ, а именно Шалауровъ „товарищемъ“ его.

IV.

Проектъ полярной экспедиціи Бечевина, 1757—59 гг.¹⁾

Въ разсматривасомъ архивномъ дѣлѣ первое упоминаніе объ Иванѣ Бечевинѣ встрѣчаемъ въ донесеніи иркутской губернской канцеляріи сибирскому губернатору Мятлеву, отъ 22-го декабря 1754 г. (л. 22), гдѣ между прочимъ Вульѣ сообщаетъ о желаніи иркутскихъ купцовъ И. Бечевина, М. Глазунова и другихъ построить въ *Охотскѣ* 2 судна, какъ для собственныхъ морскихъ промысловъ, такъ и для поддержанія казенныхъ сообщеній съ Камчаткою и портами Охотскаго моря. Вульѣ поддерживаетъ это предложеніе, такъ какъ въ 1753 г. въ Охотскѣ разбилось 3 большихъ казенныхъ судна и осталось только 3 небольшихъ.

Въ дальнѣйшихъ документахъ, 1754—1756 гг., по дѣлу о постройкѣ въ Охотскѣ судовъ Бечевинымъ, не видно еще желанія его пуститься въ полярное плаваніе. Оно возникло только въ 1757 г., когда въ восточной Сибири стало извѣстнымъ, что Баховъ собирается отправиться въ свой полярный „войжъ“. Бечевинъ навѣрное встрѣчался съ Баховымъ въ Иркутскѣ, гдѣ послѣдній готовился къ своей экспедиціи. Самъ Баховъ могъ подать Бечевину мысль о полярномъ плаваніи *отъ Камчатки къ Лепъ*: въ этомъ направленіи Бечевинъ являлся не соперникомъ Бахова, а скорѣе сотрудникомъ. Обѣ экспедиціи должны были встрѣтиться на пути и дѣятельно помочь другъ другу своимъ опытомъ на пройденной дорогѣ.

Въ началѣ 1758 г. сибирскій губернаторъ Соймоновъ писалъ въ „предложеніи“ Иркутской губернской канцеляріи (л. 65), что въ генварѣ 1757 г. Бечевинъ въ своемъ „доношеніи“, присланномъ еще на имя прежняго губернатора Мятлева, „объявлялъ“ слѣдующее:

„Возымѣлъ онъ, Бечевинъ, неотлагаемое намѣреніе“ на построенномъ имъ въ Охотскѣ суднѣ „слѣдовать мимо *Курильскихъ острововъ* вокругъ *Камчатскаю* мыса въ открытое *Тихое* море, къ полуденнымъ и сѣвернымъ странамъ, на прежде обрѣтенныя, также, буде сыщутся, и на неизвѣстныя земли и острова, даже до *Анадырскаю* устья, ежелижъ за помощію Божіею благополучность допустить — и вокругъ *Чукотскихъ* мысовъ до впадающихъ въ *Сѣверное* море рѣкъ

¹⁾ Архивное дѣло лл. 22, 65—134, 150 об. и слѣд.

и до устья *Ленскаго*... (л. 65). На островахъ и земляхъ онъ станеть промыслять звѣрей, птицъ „и другихъ надобныхъ вещей“.

Свой „вояжъ“ Бечевинъ хотѣлъ предпринять въ 1758 г., а въ случаѣ „неисправы“—въ 1759 г. Онъ просить „наградить его ниже слѣдующими дополненіями“.

а) Кромѣ данныхъ ему изъ Охотска двухъ „квартирмистровъ“, просить еще отпустить мичмана Андреяна Юрлова, или другого „надежнаго штурмана“ — „къ содержанію журнала и описанію береговъ и мѣстъ“, затѣмъ—2 матросовъ, 1 казака и толмача охотской канцеляріи Ивана Мохначевскаго. Во время плаванія общается „довольствовать по ихъ окладамъ денежнымъ двойнымъ, а хлѣбнымъ одинакимъ жалованьемъ“. Всѣ эти „морскіе служители“, казакъ и толмачъ должны быть подчинены Бечевину, или его „приказчикамъ и повѣренными“, и не вмѣшиваться въ дѣло послѣднихъ. Просить еще дать казеннаго плотника для необходимыхъ починокъ на суднѣ.

б) Кромѣ приказчиковъ и повѣренныхъ, просить разрѣшенія собрать до 50 „вольныхъ людей“ и „въ вину не причитать“, если между ними окажутся безпаспортные.

в) Для безопасности въ пути дать ему 2 пушки, съ необходимымъ количествомъ снарядовъ къ нимъ, и продать 15 пудовъ винтовочнаго и 2 пуда пушечнаго пороха, да 100 ведеръ „двойнаго вина“.

г) Въ Охотскѣ и Камчаткѣ давать, въ случаѣ нужды, казенныхъ кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, съ ихъ инструментами.

д) Выдать на судно „одинъ домкратъ“.

е) Просить, чтобы всѣ камчатскія и другія мѣстныя власти оказывали ему всякое „вспоможеніе и ни до какихъ разореній не допускали“ (т.-е. чтобы сами не чинили ему разореній), напримѣръ, не запрещали „въ казенныя гавани входить и судну стоять“ и проч.

Въ заключеніе Бечевинъ просить выдать ему „дозволительной почетной указъ“.

Ссылаясь на примѣръ Бахова, получившаго разрѣшеніе на задуманное плаваніе, сибирскій губернаторъ Соймоновъ паходить, что „въ дачѣ по просьбѣ... Бечевина дозволенія никакой противности не предвидится, и ради того иркутской канцеляріи чрезъ сіе предлагаю“: разрѣшая Бечевину плаваніе, губернаторъ согласенъ удовлетворить его ходатайства, но съ нѣкоторыми ограниченіями.

Губернаторъ безусловно запрещаетъ Бечевину брать на судно безпаспортныхъ людей... Признаетъ „за лутчее“ разрѣшить ему взять 2 пушки изъ тѣхъ, что остались отъ разбитыхъ „экспедицкихъ

судовъ“ на островахъ, мимо которыхъ онъ пойдетъ, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути онъ захватилъ и доставилъ въ Охотскъ всѣ находящіеся на островахъ пушки. Разрѣшается выдать ему 100 ведеръ вина, по „чтобъ онымъ отнюдь не корчемствовалъ“.

Далѣе Соймоновъ преподаетъ Бечевину тѣ же наставленія относительно обхожденія съ инородцами и проч., какія раньше Мятлевъ давалъ Бахову.

Къ „предложенію“ Соймонова приложенъ „прочетной указъ“ Бечевину, разрѣшающій плаваніе, отъ 28-го генваря 1758 г. (л. 72).

Въ іюлѣ того года Бечевинъ донесъ Соймонову (л. 109), что собирается строить другое судно на р. *Камчаткѣ*, „ниже *Верхняго* острогу, въ пристойномъ мѣстѣ“. Судно будетъ „небольшое, простаго манира“. Просить—разрѣшить „лѣсъ годной ронить по той же Камчаткѣ рѣкѣ“, отпустить на судно 2 казаковъ, нанять рабочихъ людей и проч. (какъ относительно перваго судна). Новое ходатайство Бечевина: основываясь на указѣ отъ 20-го декабря 1753 г., уничтожившемъ внутреннія таможи, просить освободить отъ всякихъ пошлинъ его будущую добычу (мягкую рухлядь и проч.), также хлѣбъ и разные товары, взятые для мѣнковой торговли съ инородцами.

Отвѣчая Иркутскому вице-губернатору Вульѣу, по поводу предлагаемаго „доношенія“ Бечевина, Соймоновъ (л. 112 об.) удовлетворяетъ всѣ ходатайства его, кромѣ освобожденія отъ пошлинъ. Вопросъ о нихъ губернаторъ считаетъ еще не рѣшеннымъ, не смотря на упомянутый указъ.

Относительно указаннаго Бечевинимъ маршрута плаванія, Соймоновъ (л. 114) разрѣшаетъ ему „слѣдовать въ открытое море къ однимъ *только* сѣверо-восточнымъ странамъ до *Анадырскаго* устья, къ *Чукотскому* носу и вблизи онаго“.

По дальнѣйшій его путь—путь „камчатской экспедиціи“ капитанъ-командора Беринга и капитана Чирикова, „журналы“ которой не даютъ „обстоятельнаго извѣстія“ о найденныхъ вновь островахъ, но несомнѣнно допускаютъ, что они населены дикими людьми и звѣрями,—этотъ путь Соймоновъ хотя считаетъ весьма полезнымъ, но „не доложивъ о томъ“ сенату, полагаетъ невозможнымъ дать Бечевину разрѣшеніе.

Въ „предложеніи“ Вульѣу отъ 26-го февраля 1759 г. (л. 133 об.) Соймоновъ говоритъ, что хотя онъ разрѣшилъ Бечевину на построенныхъ имъ 2 морскихъ судахъ слѣдовать „въ *Большое* (sic) море, въ

восточную сторону отъ Камчатки“, но теперь, по разсмотрѣніи „имѣющихся при секретной экспедиціи“ журналовъ Камчатской морской экспедиціи 1741 г., считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее „полнительное изъясненіе“:

Соймоновъ дозволяетъ ѣхать Бечевину отъ Камчатки къ востоку „не далѣе показанной на картѣ ограниченной линіи“, но идти дальше къ востоку за эту линію—безъ указа сената не разрѣшаетъ. Мотивируетъ онъ такое ограниченіе слѣдующимъ образомъ:

Когда Берингъ и Чириковъ увидѣли „въ тѣхъ мѣстахъ“ землю, которую считали западною оконечностью *Америки*, то съ пакетъ-бота „св. Петръ“ отправили для осмотра этой земли сначала „мастера“ Дементьева съ 10 матросами, потомъ боцмана Савольева съ 5 матросами, но обѣ эти партіи „не возвратились“ на судно. Если Бечевинъ пожелаетъ идти „въ такіа опасныя мѣста“, то губернаторъ не можетъ дать на то разрѣшенія, не зная количества людей на судахъ Бечевина и достаточности ихъ вооруженія, а главное—не имѣя дозволенія сената. Въ послѣдній онъ сдѣлаетъ представленіе, а пока посылаетъ Вульфу 3 экземпляра карты Восточнаго океана (ихъ нѣтъ при дѣлѣ), одинъ изъ которыхъ отдать Бечевину и взять съ него подписку въ томъ, что онъ не пойдетъ далѣе „линіи“, указанной на картѣ. Если же онъ намѣренъ идти дальше, то долженъ сообщить Соймонову о числѣ людей и вооруженіи судовъ, для донесенія сенату.

Очевидно, Соймоновъ не вполне уяснилъ себѣ планъ Бечевина. Послѣдній нигдѣ въ своихъ „доношеніяхъ“ не говоритъ о намѣреніи плыть къ берегамъ Америки. Онъ поставилъ себѣ другую задачу — пройти отъ Камчатки къ устьямъ Лены. А относительно этого пути всѣ разсужденія Соймонова и ссылки на „Камчатскую экспедицію“ 1741 г. представляются совершенно неумѣстными.

Въ „доношеніи“ Бечевина Соймонову, отъ 23-го февраля 1759 г. (л. 150 об.), онъ сообщаетъ о постройкѣ новаго судна и проситъ снова объ освобожденіи отъ пошлинъ клади его и другихъ купцовъ на его судахъ, о замѣнѣ мичмана А. Юрлова штурманомъ Иваномъ Наумовымъ, о доведеніи команды до 80 человекъ, о запрещеніи мѣстной администраціи чинить ему „помѣшательства“ и проч.

Остальные документы по дѣлу Бечевина говорятъ о приготовленіяхъ его къ экспедиціи, продолжавшихся и лѣтомъ 1759 г. Больше всего онъ хлопоталъ о сложеніи пошлинъ съ его товаровъ и запа-

совъ, для чего сообщалъ реестры тѣхъ и другихъ (л. 268, 278 и слѣд.).

Какъ извѣстно, полярная экспедиція Бечевина не состоялась и приготовленія къ ней пригодились ему для недалекихъ плаваній на Алеутскіе и другіе острова.

Н. Оглобинъ.
